

Леканова Е.Е. Самоопределяющие нормативно-правовые предписания // Антиномии, 2019. Т. 19, вып. 1, с. 67–79.

УДК 340.13

DOI 10.17506/aipl.2019.19.1.6779

СИСТЕМООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ

Екатерина Евгеньевна Леканова

магистр юриспруденции

Ярославского государственного университета

им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия.

E-mail: lekanova.katya@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4350-7955

Материал поступил в редколлегию 30.07.2018 г.

В правовой доктрине отсутствует единство мнений относительно правовой природы и названия нормативно-правовых предписаний, которые не устанавливают прав, обязанностей и запретов. Одни ученые-правоведы именуют их специализированными и относят к нормам права, другие – называют их нетипичными (нестандартными) нормативно-правовыми предписаниями и возводят их в ранг явлений, отличных от норм права. Также анализируется возможность отнесения всего состава исследуемых явлений к системоопределяющим нормативно-правовым предписаниям. В статье представлены критические замечания по поводу разделения нормативно-правовых предписаний, не устанавливающих прав, обязанностей и запретов, в зависимости от характера назначения на системоопределятельные и системообеспечивающие (системоадаптирующие). Понятие «нормативно-правовое предписание» шире по объему, чем «правовая норма», так как включает в себя нормы права и правила о содержании, действии и применении норм права (не устанавливающие прав, обязанностей и запретов). Правила о содержании, действии и применении норм права заслуживают названия «системоопределяющие нормативно-правовые предписания» ввиду того, что они определяют границы возможного содержания норм права либо обуславливают выбор норм права при их конкуренции, допускают или блокируют применение определенных норм права.

Если гипотетически изъять из законодательства какую-либо «работающую» норму права, то ее отсутствие не скажется на содержании или возможности применения остальных норм права и может быть, например, восполнено через аналогию закона. В свою очередь, изъятие из законодательства нормативно-правового предписания, не являющегося нормой права, может «надломить» всю отрасль, подотрасль или институт законодательства, так как либо не будет осуществляться «фильтрация» норм права по содержанию, либо возникнет неразрешимая конкуренция норм права, либо появятся пробелы в отношении отдельных видов правоотношений. Системоопределяющие нормативно-правовые предписания делятся на те, которые состоят из правил о содержании норм права (предмет регулирования нормативного правового акта; принципы права; правовые презумпции, фикции, аксиомы; правовые дефиниции; положения о составе формальных источников; положения о применимости аналогии права и аналогии закона; положения о субсидиарном применении норм смежноотраслевого законодательства), и на те, которые содержат правила о действии и применении норм права (правила о действии предписаний во времени, в пространстве, по кругу лиц, об обратной силе; коллизионные и оперативные нормативно-правовые предписания).

Ключевые слова: специализированные нормы права, нетипичные нормативно-правовые предписания, системоопределяющие нормативно-правовые предписания, предмет регулирования закона, принцип права, нормативно-правовые расчеты, перечневые дефиниции, родовидовые дефиниции, презумпции, фикции.

Большинство ученых, занимающихся изучением норм права, не отрицают особого положения легальных дефиниций, принципов права, правовых презумпций, фикций, аксиом и некоторых других нормативно-правовых предписаний в системе норм права. Однако среди ученых-правоведов не достигнуто согласия по поводу правовой природы указанных явлений, их принадлежности к нормам права; нет единства мнений относительно названия этих особых нормативно-правовых предписаний. Для исследования поставленных вопросов необходимо рассмотреть три основных подхода, сформировавшихся в доктрине относительно их правовой природы.

Согласно *первому подходу* их квалифицируют как специализированные нормы права (С.С. Алексеев (Алексеев 2005: 234), А.В. Баранов (Баранов 2017а: 26)). По мнению А.В. Баранова, специализированные правовые нормы относятся к числу именно норм права в силу того, что им присущи практически все признаки, характерные для любой правовой нормы, и в то же время они обладают рядом специфических признаков, позволяющих выделить их в самостоятельную видовую группу (Баранов 2017b: 14). В частности, А.В. Баранов в качестве одного из специфических признаков указывает то, что специализированные нормы, являясь правовыми обобщениями более высокого порядка, оказывают регулирующее влияние на общественные отношения, как правило, через действие «типичных» норм, получают в них предметное, содержательное развитие. В то же время они могут оказывать и непосредственно регулирующее воздействие на общественные отношения (Баранов 2017b: 15). Данный подход относительно природы и названия исследуемых явлений небезупречен.

Во-первых, неудачность названия «специализированные нормы» состоит в том, что общепризнанным признаком нормы права является закрепление в ней прав и обязанностей, в том числе обязанности не совершать определенные действия (Алексеев 2005: 233). С.С. Алексеев, несмотря на указанный контраргумент принадлежности правовых дефиниций, принципов, презумпций и прочих нормативно-правовых предписаний, выделяющихся на фоне остальных норм права своими особыми функциями, поясняет: «Наиболее ярко предоставительно-обязывающий характер выражен в регулятивных нормах, менее он заметен в нормах специализированных» (Алексеев 2005: 234). Для опровержения данного тезиса обратимся к наглядному примеру. Согласно положению ст. 1 Закона «О животном мире» под объектом животного мира понимается «организм животного происхождения (дикое животное)» (Федеральный закон № 52-ФЗ, 1995). Очевидно, что и речи не может быть о наличии в указанном правиле прав, обязанностей или запретов, даже неярко выраженных. Однако остальным признакам норм права (относимость к правилам, общеобязательность, формальная определенность, гарантированность государством) нормативно-правовые предписания, обладающие специфическими функциями, отвечают, из чего следует, что их можно отнести к явлениям, смежным с нормами права.

Во-вторых, термин «специализированные» аналогично заслуживает критики. Если следовать точке зрения С.С. Алексеева, А.В. Баранова и делить все нормы права на специализированные и неспециализированные (общие), то с учетом того, что нормы права направлены на установление дозволений, запретов и долженствования, получается, что правовые дефиниции, принципы и прочие так называемые специализированные нормы права должны определять права, обязанности и запреты более углубленно (более детально) и (или) узко (только конкретные виды). Однако это не соответствует действительности, так как различие норм права и иных нормативно-правовых предписаний как раз и заключается в том, что у них разная специализация, разные функции, разные способы правового регулирования. Таким образом, деление норм права на специализированные и неспециализированные является несостоятельным.

Сторонники *второго подхода* (Л.М. Давыдова (Давыдова 2009: 191-194), Г.И. Денисов (Денисов 2005: 93)) относят исследуемые явления к нетипичным или нестандартным нормативно-правовым предписаниям.

Нормативно-правовое предписание – это минимальная смысловая часть текста нормативного правового акта, представляющая собой элементарное властное веление общего характера, обладающее формальной определенностью, цельностью и логической завершенностью (Давыдова 2009: 173). Его признаками выступают относимость к правилу, общеобязательность, формальная определенность, гарантированность государством.

Данный подход к названию исследуемых явлений устраняет недостаток предыдущего подхода, заключающийся в отнесении правовых определений, деклараций, правил об аналогии и прочих особо функциональных нормативно-правовых предписаний к нормам права. Сторонники второго подхода утверждают, что отсутствие дозволений, обязывания,

запретов в презумпциях, фикциях, аксиомах и в некоторых иных специфичных нормативно-правовых предписаниях является их специфическим признаком, отличающим их от норм права. И, как следствие, в отличие от норм права они не имеют традиционной классической структуры, то есть таких элементов, как гипотеза, диспозиция, санкция (Карташов, Плюснина, Кискин 2013: 61).

Прежде всего, стоит упомянуть о наличии незначительного внутреннего расхождения среди сторонников второго подхода по поводу того, какой критерий является наиболее подходящим – нетипичность или нестандартность.

Н.В. Карташов, А.М. Давыдова подвергают критике наделение анализируемых явлений свойством нетипичности. Нетипичными корректно называть только казуистичные нормативно-правовые предписания (Карташов 2014: 52). Презумпции, фикции, аксиомы сформировались в результате обобщения типичных общественных отношений (Давыдова 2010: 162), при реализации которых раз за разом обнаруживалась необходимость придания общеобязательной силы определенным предположениям без их доказывания в каждом конкретном случае. Мы полагаем, что подобные замечания вполне заслужено могут быть направлены и в адрес термина «нестандартность», так как он является синонимом термина «нетипичность» (Давыдова 2009: 188).

На наш взгляд, проблема стоит гораздо шире.

Во-первых, термины «нетипичность» и «нестандартность» всего лишь указывают на «особость», специфику так называемых нетипичных (нестандартных) нормативно-правовых предписаний, но этого недостаточно для обоснования самостоятельности таких нормативно-правовых предписаний, не относящихся к нормам права. Необходимо, чтобы название отражало суть этой особенности, а не лишь факт ее наличия.

Во-вторых, возникает вопрос: «Таковыми ли уж нетипичными (не свойственными) являются для законодательства анализируемые предписания?» Свойство нетипичности предполагает либо редкость (встречаемость в малом количестве в нормативных правовых актах), либо явное преобладание типичных явлений над нетипичными (наличие в нормативных правовых актах большого количества норм права на фоне незначительного числа нестандартных нормативно-правовых предписаний). Между тем все нормативные правовые акты в начальной части содержат так называемые *нетипичные* нормативно-правовые предписания. Помимо этого, в огромном количестве законов «нетипичные» нормативно-правовые предписания имеются в центральной и заключительной части. К примеру, к нормам права в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) не могут быть отнесены положения о предмете регулирования (ст. 2), об отраслевых принципах (ст. 1), о формальных источниках семейного права (ст. 3, 6), об аналогии (ст. 5), субсидиарном применении норм смежноотраслевого законодательства (ст. 4), нормативно-правовые расчеты сроков (ст. 9) (Семейный кодекс РФ 1995), то есть практически вся Общая часть СК РФ состоит только из нестандартных нормативно-правовых предписаний. В свою очередь,

Особенная часть СК РФ представлена такими «нетипичными» нормативно-правовыми предписаниями, как описательные (казуистические) дефиниции (п. 1 ст. 13, п. 2 ст. 55), перечневые дефиниции (абз. 3 ст. 14, ст. 16, ст. 36), родовидовые дефиниции (п. 1 ст. 34, ст. 40, п. 1 ст. 54, п. 1 ст. 52), смешанные дефиниции (п. 2 ст. 34), презумпции (презумпция общности имущества супругов (п. 1 ст. 33), презумпция равенства долей супругов (ст. 39), презумпция отцовства (п. 2 ст. 48)), коллизионные нормативно-правовые предписания (раздел 6) и др. Можно заметить, что в СК РФ по численности нестандартные нормативно-правовые предписания не сильно уступают нормам права. Подобная ситуация складывается и в иных кодифицированных актах, а также и в текущем законодательстве. Например, Закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» состоит из 29 статей, примерно треть из которых содержит «нетипичные» нормативно-правовые предписания: а) родовые дефиниции (ст. 1, ч. 1 ст. 16, ст. 17) и перечневые дефиниции (ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 6); б) принципы осуществления государственной защиты (ст. 4); в) перечень формальных источников (ч. 1 ст. 5); г) заключительные положения (ст. 29) (Федеральный закон № 119-ФЗ, 2004). Таким образом, нормативно-правовые предписания, не содержащие субъективных прав, обязанностей и запретов, – достаточно распространенное явление в законодательстве, весьма типичны для любого нормативного правового акта, в связи с чем претендуют на собственное название, которое раскрывало бы их сущность.

Преимуществом второго подхода выступает обособление исследуемых явлений от норм права, а недостатком – неопределенность критерия их обособления.

Третий подход основан на выявлении «специализации» отдельных нормативно-правовых предписаний, не являющихся нормами права, и попытки определения критерия, выступающего общей чертой таких специализаций.

В литературе можно встретить следующие виды нормативно-правовых предписаний, не являющихся нормами права: 1) предмет регулирования нормативного правового акта; 2) правовые декларации (цели и задачи); 3) принципы права; 4) состав формальных источников; 5) положения о действии закона во времени, в пространстве, по кругу лиц; 6) субсидиарное применение норм смежноотраслевого законодательства 7) аналогия закона, аналогия права; 8) правовые дефиниции (описательные (казуистические), перечневые, родовидовые (Лошкарев 2013: 30)); 9) нормативно-правовые расчеты; 10) правовые презумпции, фикции, аксиомы; 11) коллизионные нормативно-правовые предписания; 12) оперативные нормативно-правовые предписания.

А.В. Баранов делит определяемые им как специализированные нормативно-правовые предписания по характеру назначения на системоопределяющие (правовые принципы, цели и задачи, дефиниции) и системообеспечивающие, или системоадаптирующие (коллизионные, оперативные нормативно-правовые предписания, презумпции, фикции)

(Баранов 2017b: 14). С одной стороны, несомненным плюсом данной классификации является отход от безликой «нетипичности» нормативно-правовых предписаний, не регулирующих поведение людей, посредством указания на характер их особых функций. С другой стороны, на наш взгляд, сомнение вызывает обслуживающая (обеспечивающая) роль отдельных видов нормативно-правовых предписания, не являющихся нормами правами. Для проверки обоснованности классификации, предложенной А.В. Барановым, обратимся к характеристике отдельных видов исследуемых явлений.

Предмет регулирования такого нормативного правового акта, как нормативно-правовое предписание, не являющееся нормой права, представляет своего рода тематический (содержательный) ценз для (не)включения норм права в определенные нормативные правовые акты. В первую очередь, указанную функцию выполняет само название нормативного правового акта, однако в ряде случаев этого недостаточно, в связи с чем законодатель вводит либо в преамбулу, либо в одну из первых статей предмет регулирования закона или сферу его применения. Например, предмет регулирования Закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» являются отношения по поводу реализации основных гарантий прав и законных интересов ребенка, то есть по поводу гарантий, предоставленных каждому ребенку (Федеральный закон № 124-ФЗ, 1998). В связи с этим отношения по поводу реализации гарантий прав и законных интересов отдельных категорий детей должны регулироваться другими законами, в частности Законом «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (Федеральный закон № 159-ФЗ, 1996).

К числу основных видов нормативно-правовых предписаний, имеющих иной способ регулирования по сравнению с нормами права, относятся *принципы права*. По мнению С.С. Алексева, принципы права – это выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, определяющие его базовое содержание и направленность развития, его основы, закреплённые в нем закономерности общественной жизни (Алексеев 1981: 98). В качестве функций принципов права Ю.М. Акимов выделяет познавательную, или гносеологическую, функцию (являются исходными научными положениями правовой теории); функцию регулятивного механизма (используются при возникновении пробелов в законодательстве, несогласованности правовых норм, а также при необходимости корректного толкования существующих положений); функцию целевой установки законодательного процесса, то есть совершенствования и развития правовой системы или отдельных ее отраслей (Акимов 2015: 45). Принципы права как нормативно-правовые предписания с учетом закономерностей общественного развития очерчивают для законодателя диапазон возможных вариантов регулирования того или иного общественного отношения. Нормы права должны основываться на общеправовых принципах и принципах своей отраслевой принадлежности. Принципы права выступают своеобразными пределами правотворчества, а содержание норм права носит производный характер от содержания

принципов права. В качестве примера можно рассмотреть влияние принципа равенства и дифференциации трудовых прав и обязанностей (принципа запрета дискриминации в трудовых отношениях) на нормы трудового права. В частности, трудовое законодательство содержит следующие различия в правах и обязанностях работников: несовершеннолетние, в отличие от совершеннолетних, не вправе работать на вредных и опасных работах; по общему правилу основной отпуск у совершеннолетних лиц длится 28 дней, а у несовершеннолетних – 31 день; несовершеннолетние при приеме на любую работу обязаны проходить медицинский осмотр. В перечисленных случаях речь идет не о дискриминации, а о дифференциации, так как мотивом различий выступает нуждаемость несовершеннолетних в повышенной социальной и правовой защите (Леканова 2018: 162). При отсутствии правила абз. 3 ст. 3 Трудового кодекса Российской Федерации установление каких-либо различий в правах и обязанностях работников признавалось бы неправомерным (Трудовой кодекс РФ 2001).

Также к видам нормативно-правовых предписаний, расположенных в начале нормативно-правового акта и имеющих иной способ регулирования по сравнению с нормами права, относятся *положения о составе формальных источников, положения о применении аналогии и о субсидиарном применении*. Положения о составе формальных источников носят системообразующий характер, так как опосредованно (через указание конкретных нормативных правовых актов) определяют совокупность норм права, формирующих ту или иную отрасль, подотрасль, институт законодательства. Положения о применении аналогии и о субсидиарном применении также носят системоопределяющий характер, поскольку указывают систему или группу норм, которые применяются при наличии пробела в конкретной отрасли права (Тарусина 2014: 211-212).

Одним из более распространенных видов нормативно-правовых предписаний, имеющих иной способ регулирования по сравнению с нормами права, является *правовая дефиниция*. На первый взгляд, в ней можно усмотреть лишь вспомогательную роль по отношению к нормам права, заключающуюся в разъяснении отдельных терминов, используемых в них. Однако, по нашему мнению, правовые дефиниции носят основополагающий характер, «задают тон» нормам права, связанным с ними по содержанию. В частности, с 1 июня 2018 г. в силу вступили положения об изменившейся дефиниции договора займа (абз. 1 п. 1 ст. 809 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)): а) теперь договор займа может быть заключен по моделям и реального, и консенсуального договоров (Соломина 2017: 61); б) в предмет договора добавляются ценные бумаги (Гражданский кодекс РФ (часть вторая) 1996). Для адаптации новых разновидностей договора займа законодателем были введены новые нормы права, по сути производные от предписания, содержащего дефиницию договора займа, и включающие следующие положения: 1) займодавец по консенсуальному договору займа может выступать только юридическое лицо (абз. 2 п. 1 ст. 807 ГК РФ); 2) для случаев заключения договора займа по модели консенсуального договора предусмотрен механизм отказа от предоставления займа, аналогичный

механизму отказа кредитора от предоставления кредита по кредитному договору (Соломина 2017: 61); 3) по возмездному договору займа проценты взимаются только за период пользования займа (п. 1 ст. 809 ГК РФ); 4) предметы договора займа, переданные указанному заемщиком третьему лицу, считаются переданными заемщику (п. 5 ст. 807 ГК РФ); 5) теперь к договору займа, заключенному путем размещения облигаций, применяются все положения параграфа о договоре займе. Описанный пример наглядно доказывает, что именно нормы права, связанные с конкретной дефиницией по содержанию, принимаются для детализации ее признаков и носят производный от нее характер, а не наоборот.

Близкими по роли к легальным дефинициям являются *нормативно-правовые расчеты* (в литературе их чаще называют «нормы-расчеты» (Кожевников, Мартыненко 2014: 7)). По мнению Е.С. Комиссаровой, нормы-расчеты – это специфическая разновидность юридических норм, содержание которых отражает определенный порядок вычисления социально значимых количественных характеристик бытия различных юридических феноменов (Комиссарова 2015: 239). К примеру, при регламентации договора пожизненной ренты законодатель для удобства исчисления ренты, на минимальный размер которой влияет размер прожиточного минимума, избирает ежемесячный способ оплаты, а для урегулирования разногласий по договору поставки законодатель, ориентируясь на порядок определения сроков по ст. 190 ГК РФ, предоставляет 30 дней со дня получения предложения о заключении договора, а не месяц, для того чтобы и в феврале, и в апреле, и в других месяцах для преодоления разногласий имелось одинаковое количество времени (Гражданский кодекс РФ (часть первая) 1994). И если бы общие положения о сроках приравнивали бы месяц к 30 дням, то формулировка могла быть и иной. Следовательно, нормативно-правовые расчеты, в отличие от дефиниций, выражают не сущность понятия, а его количественные характеристики. При этом они носят детерминирующий характер по отношению к нормам права, так как законодатель, ориентируясь на порядок определения количественных показателей, устанавливает в нормах права конкретные числа, элементы формулы, табличные значения, стремясь, чтобы конечные количественные показатели отвечали принципу разумности.

Системоопределяющую роль остальных видов нормативно-правовых предписаний, не являющихся нормами правами, также легко заметить. *Правовые презумпции, фикции, аксиомы* очерчивают для законодателя диапазон возможных вариантов регулирования общественных отношений, с которыми тесно связаны по содержанию. В свою очередь, *правила о действии норм во времени, в пространстве, по кругу лиц, об обратной силе, коллизионные нормативно-правовые предписания* указывают на ту систему или совокупность норм права, которые применяются для урегулирования конкретных видов правоотношений. *Оперативные нормативно-правовые предписания* вводят в действие, изменяют, продлевают и отменяют нормы права (Кожевников, Мартыненко 2014: 8), тем самым определяют состав отраслей, подотраслей и институтов законодательства.

Таким образом, исследуемые явления ввиду своей правовой природы вполне заслуживают названия «*системоопределяющие нормативно-правовые предписания*».

Подводя итог вышесказанному, можно также отметить, что понятие «нормативно-правовое предписание» шире по объему, чем «правовая норма», поскольку включает в себя правила поведения людей (нормы права) и правила о содержании, действии и применении норм права. Правила о содержании, действии и применении норм права вполне заслуживают названия «*системоопределяющие нормативно-правовые предписания*», ибо, несмотря на то что их функции разнятся в зависимости от видовой принадлежности, все нормативно-правовые предписания, не являющиеся нормами права, определяют границы возможного содержания норм права либо обуславливают выбор норм права, применение которых возможно к конкретному виду правоотношений, допускают или блокируют применение определенных норм права. Если гипотетически изъять из законодательства какую-либо «работающую» норму права, то ее отсутствие не скажется на содержании или возможности применения остальных норм права и может быть, например, восполнено через аналогию закона; в свою очередь, изъятие из законодательства нормативно-правового предписания, не являющегося нормой права, может «надломить» всю отрасль, подотрасль или институт законодательства, так как либо не будет осуществляться «фильтрация» норм права по содержанию, либо возникнет неразрешимая конкуренция норм, либо появятся пробелы в отношении отдельных видов правоотношений. Системоопределяющие нормативно-правовые предписания делятся на те, которые состоят из правил о содержании норм права, и на те, которые содержат правила о действии и применении норм права

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акимова Ю.М. 2015. Принципы международного частного права : дис. ... канд. юрид. наук. М. 210 с.
- Алексеев С.С. (ред.) 2005. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. С.С. Алексеева. 3-е изд. М. : Норма. 458 с.
- Алексеев С.С. 1981. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. М. : Юрид. лит. 361 с.
- Баранов А.В. 2017а. К вопросу о понятии и месте специализированных норм в системе российского права // Вестн. Омск. ун-та. Серия «Право». № 1 (50). С. 22-30.
- Баранов А.В. 2017б. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права // Вестн. Омск. ун-та. Серия «Право». № 4 (53). С. 13-19.
- Давыдова М.Л. 2009. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та. 318 с.
- Давыдова М.Л. 2010. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юрид. техника. № 4. С 159-170.
- Денисов Г.И. 2005. Юридическая техника: теория и практика // Журн. рос. права. № 3. С. 86-96.
- Карташов В.Н. 2014. Теория правовой системы общества: научное издание для бакалавров и магистров. Ереван : РАСУ. 288 с.
- Карташов В.Н., Плюснина О.В., Кискин Е.В. 2013. Теория государства и права : учебник для бакалавров. Кострома : Изд-во Костром. гос. технолог. ун-та. 230 с.

Кожевников В.В. Мартыненко М.В. 2014. Специализированные нормы современного российского права: юридическая природа, классификация и место в системе правовых норм // Современное право. № 4. С. 4-9.

Комиссарова Е.С. 2015. Нормы-расчеты в российском праве: к постановке проблемы научного исследования // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. № 4. С. 235-240.

Леканова Е.Е. 2018. Дифференциация прав несовершеннолетних // Междунар. науч.-исслед. журн. № 1-2 (67). С. 161-163.

Лошкарев Н.В. 2013. К вопросу о классификации легальных дефиниций // Юрид. наука. № 3. С. 28-32.

Соломина Н.Г. 2017. Договор займа: изменения действующего законодательства // Вестн. Омск. ун-та. Серия «Право». № 4. С. 60-64.

Тарусина Н.Н. 2014. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения: монография. М. : Проспект. 288 с.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 35. Ст. 411.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996, № 1. Ст. 16.

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17. Ст. 1462.

Федеральный закон от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 52. Ст. 5880.

Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.

Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2004. № 34. Ст. 3534.

Е. Lekanova. Samoopredelyayushchiye normativno-pravovyye predpisaniya [System-determining legal prescriptions], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 67–79. (in Russ.).

Ekaterina E. Lekanova, Master of Law, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia. E-mail: lekanova.katya@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4350-7955

Article received 30.07.2018, accepted 14.07.2018, available online 01.04.2019

SYSTEM-DETERMINING LEGAL PRESCRIPTIONS

Abstract. In the legal doctrine, there is no consensus on the legal nature and the name of the legal prescriptions that do not establish rights, duties and prohibitions. Some legal

scholars call them specialized, and refer to the legal norms, other legal scholars call them atypical (non-standard) legal prescriptions, and differentiate them from the rules of law. The article also analyzes the possibility of classifying the entire complex of the studied phenomena as system-determining legal prescriptions. Depending on the function, they can be divided into system-determining and system-ensuring (system-adaptive). This division is critically commented in the article. The concept of “legal prescription” is broader in scope than the “legal norm”, as it includes the rules of law and the rules on the content, operation, and application of the rules of law (not establishing rights, duties and prohibitions). The rules on the content, operation and application of the law deserve the name “system-determining legal regulations” because they define the limits of the possible content of the law or determine the choice of law when they compete, allow or block the use of certain rules of law. If a “working” rule of law is hypothetically taken out from legislation, its absence will not affect the content or the possibility of applying other rules of law, and can be, for example, filled in by law analogy. In turn, the removal of a legal prescription (that is not a rule of law) from the legislation can «break» the entire branch, subsector or institution of legislation, because either the law will not be «filtered» by content, or unsolvable conflict of laws will arise, or there will be gaps in relation to certain types of legal relationships. System-determining legal prescriptions are divided into those that consist of rules on the content of legal norms (the subject of regulation; principles of law; legal presumptions, fictions, axioms; legal definitions; provisions on the composition of formal sources; provisions on the applicability of the law analogy and the analogy of legislation; the provisions on the subsidiary application of norms of the multisectoral legislation), and those that contain rules on the operation and application of the law (rules on the effect of prescriptions in time, in space, in personal, on retroactivity, conflict-of-laws and operational regulations).

Keywords: specialized legal norms; atypical legal prescriptions; system-determining legal prescription; subject of regulation of the law; principle of law; legal calculations; secondary definitions; generic definitions; presumptions; fictions.

References

Akimova Yu.M. *Printsipy mezhdunarodnogo chastnogo prava : dis... kand. jurid. nauk* [Principles of private international law: dissertation], Moscow, 2015, 210 p. (in Russ.).

Alekseev S.S. (ed.). *Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik dlya vuzov* [Theory of the state and law], 3 ed., Moscow, Norma, 2005, 458 p. (in Russ.).

Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava. V 2 t. T. 1.* [General theory of law. In 2 vols. Vol. 1], Moscow, Yuridicheskaya literature, 1981, 361 p. (in Russ.).

Baranov A.V. *K voprosu o ponyatii i meste spetsializirovannykh norm v sisteme rossiyskogo prava* [To the problem of notion of specified norms in system of the Russian law], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*, 2017, no. 1 (50), pp. 22-30. (in Russ.).

Baranov A.V. *Sistemoopredelyayushchie spetsializirovannye normy sovremennogo rossiyskogo prava* [System-defining particular rules of Russian law], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*, 2017, no. 4 (53), pp. 13-19. (in Russ.).

Davydova M.L. *Pravovye prezumptsii v sisteme sredstv yuridicheskoy tekhniki* [Legal presumptions in the system of legal equipment], *Yuridicheskaya tekhnika*, 2010, no. 4, pp. 159-170. (in Russ.).

Davydova M.L. *Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii: monografiya* [Legal technique: problems of theory and methodology: monograph], Volgograd, Izdatelstvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, 318 p. (in Russ.).

Denisov G.I. *Yuridicheskaya tekhnika: teoriya i praktika* [Legal technique: theory and practice], *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2005, no. 3, pp. 86-96. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 20 avgusta 2004 goda № 119-FZ «O gosudarstvennoy zashchite poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva» [Federal Act from 20.08.2004 number 119-FZ «On state protection for victims, witnesses and other participants in criminal proceedings»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2004, no. 34, art. 3534. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 21 dekabrya 1996 goda № 159-FZ «O dopolnitel'nykh garantiyakh po sotsial'noy podderzhke detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ey» [Federal Act from 21.12.1996 number 159-FZ «On additional guarantees of social protection for orphans and children without parental care»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1996, no. 52, art. 5880. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 24 aprelya 1995 goda № 52-FZ «O zhivotnom mire» [Federal Act from 24.04.1995 number 52-FZ «On the animal world»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1995, no. 17, art. 1462. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 24 iyulya 1998 goda № 124-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Act from 24.07.1998 number 124-FZ «On basic guarantees of children's rights»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1998, no. 31, art. 3802. (in Russ.).

Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 goda № 51-FZ [The Civil Code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 number 51-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1994, no. 32, art. 3301. (in Russ.).

Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' vtoraya) ot 26 yanvarya 1996 goda № 14-FZ [The Civil Code of the Russian Federation (part two) from 26.01.1996 number 14-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1996, no. 35, art. 411. (in Russ.).

Kartashov V.N. *Teoriya pravovoy sistemy obshchestva: nauchnoe izdanie dlya bakalavrov i magistrrov* [The theory of the legal system of society: a scientific publication for bachelor and master degrees], Erevan, RASU, 2014, 288 p. (in Russ.).

Kartashov V.N., Plyusnina O.V., Kiskin E.V. *Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik dlya bakalavrov* [Theory of state and law: a textbook for bachelors], Kostroma, Izdatel'stvo Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta, 2013, 230 p. (in Russ.).

Komissarova E.S. *Normy-raschety v rossiyskom prave: k postanovke problemy nauchnogo issledovaniya* [Standards-payments in the Russian law: to the problem of scientific research], *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2015, no. 4, pp. 235-240. (in Russ.).

Kozhevnikov V.V. Martynenko M.V. *Spetsializirovannyye normy sovremennogo rossiyskogo prava: yuridicheskaya priroda, klassifikatsiya i mesto v sisteme pravovykh norm* [Dedicated rules of modern Russian Law: legal nature, classification and position in the system of law], *Sovremennoe pravo*, 2014, no. 4, pp. 4-9. (in Russ.).

Lekanova E.E. *Differentsiatsiya prav nesovershennoletnikh* [Differentiation of rights of minors], *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2018, no. 1-2 (67), pp. 161-163. (in Russ.).

Loshkarev N.V. *K voprosu o klassifikatsii legal'nykh defnitsiy* [To the question of the classification of legal definitions], *Yuridicheskaya nauka*, 2013, no. 3, pp. 28-32. (in Russ.).

Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29 dekabrya 1995 goda № 223-FZ [The Family Code of the Russian Federation from 29.12.1995 number 223-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1996, № 1, art. 16. (in Russ.).

Solomina N.G. *Dogovor zayma: izmeneniya deystvuyushchego zakonodatel'stva* [Loan agreement: changes in the current legislation], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*, 2017, no. 4, pp. 60-64. (in Russ.).

Tarusina N.N. *Semeynoe pravo: v «orkestrrovke» suverennosti i sudebnogo usmotreniya: monografiya* [Family law: Accompanied with sovereignty and judicial discretion: monograph], Moscow, Prospekt, 2014, 288 p. (in Russ.).

Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30 dekabrya 2001 goda № 197-FZ [The Labour Code of the Russian Federation from 30.12.2001 number 197-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 1, pt. 1, art. 3. (in Russ.).